

УДК 101.2+101.9

КАК Я НЕ ПОНИМАЮ ФИЛОСОФИЮ**А.А. Марчук**

В статье предпринята попытка осознать назначение и специфику философии. Показано, что главным признаком философии, отличающим ее от науки, искусства и религии, является удивление, непонимание. Философия начинается с личного опыта удивления, затем переходит к пониманию с помощью техники философских понятий и возвращается к более глубокому непониманию в качестве философского вопрошания. Раскрывается сущность философского вопрошания.

Ключевые слова: философия; понимание; удивление; амехания; философское вопрошание.

Понимание стоит на непонимании
В.В. Бибихин. «Язык философии»

Статья К. Поппера «Все люди — философы: Как я понимаю философию» появилась в ответ на слова Ф. Вайсмана: «В действительности философ — это человек, который при конструировании наших понятий чувствует себя неуверенно там, где другие видят перед собой лишь проторенную тропу повседневности» [4, с. 20]. Видимо, это чувство неуверенности заставляет философа строить мировоззренческие системы, сооружать мыслительные конструкты. Однако, на мой взгляд, эта неуверенность, беспомощность, даже непонимание являются атрибутом настоящей философии и без этого она невозможна в принципе.

У К. Поппера в упомянутой выше статье уделено внимание тому, как он не понимает философию. Точнее было бы сказать, что речь идет о том, чем не является философия для автора.

Во-первых, согласно К. Попперу, задача философии не состоит в устранении ошибок. Соглашусь с автором статьи, но думаю, что задача философии — в обнаружении ошибок, в указании на предрассудки, выдаваемые за истину, в указании на то, что что-то происходит не так, как надо. Во-вторых, по К. Попперу, философия — не галерея произведений искусств, удивительных и оригинальных картин мира или рациональных и необычных его описаний. В-третьих, история философских систем не есть история интеллектуальных сооружений, где истина — только побочный продукт. В-четвертых, К. Поппер не считает философию попыткой

объяснения, анализа или «экспликацией» понятий, слов или языка. Например, философский словарь, где даны понятия и их значения, трудно считать настоящей философией. В-пятых, философию нельзя назвать средством определения разумности. Однако необходимо определиться, что же понимать под разумностью. В-шестых, К. Поппер не считает философию интеллектуальной терапией. По этому пункту не могу согласиться с автором. Возможно, конечно, что «своим примером Витгенштейн подтверждает теорию Витгенштейна, так же как Фрейд — теорию Фрейда», но все-таки настоящий философ должен найти в себе мужество, чтобы честно сказать, что он так ничего и не знает, так ничего и не понял. Это и будет «освобождение от своих философских путаниц». В-седьмых, К. Поппер не видит, чтобы в философии стремились выражаться точно или пунктуально. Это, скорее, проблема языка философии. В-восьмых, философия не есть занятие по определению оснований или понятийных рамок для решения проблем. Наконец, в-девятых, по К. Попперу, философию нельзя понимать как постижение духа времени. Имеется в виду, что философия не должна следовать моде. Далее К. Поппер излагает свой взгляд на сущность философии. Мне хотелось бы представить собственное видение специфики и значения философии.

У каждой сферы человеческой деятельности имеется свой подход. Научный подход — условность, в том смысле, что утверждения науки построены в форме утверждений «если — то». Если имеются такие-то предпосылки, то в результате получится вот так. В искусстве все

построено на уникальности переживания, на самовыражении, на интуиции. Религия невозможна без откровения, она имеет дело с трансцендентным. Дело философии, ее подход и метод — непонимание, удивление, вопрошание.

Философия начинается с удивления, так считали Сократ и Аристотель, т.е. начинается с непонимания. Когда человек удивляется, это значит, что его привычный повседневный опыт сталкивается с чем-то необычным, экстраординарным, непонятным. В философии большую роль играет личный опыт. «Становление философского знания — это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия» [3, с. 12]. Этот личный опыт идентифицируется затем в философских понятиях через определенную философскую технику. «Короче говоря, философия — это оформление и до предела развитие состояний с помощью всеобщих понятий, но на основе личного опыта» [3, с. 13]. Личный опыт уникального живого сознания встречается в философии с техникой философских понятий.

Понимание есть процесс выявления, отыскания смысла, который эксплицируется через понятия. Философия через понимание переходит в свое инобытие, «отчуждается» от самой себя в философию науки, философию искусства, философию религии.

Учение о понимании называется герменевтикой. Сначала она была связана с толкованием изречений пифии, с толкованием поэм Гомера и Гесиода, затем — с толкованием священного Писания (экзегетика). В XIX в. благодаря Шлейермахеру и особенно В. Дильтею она превращается в метод гуманитарных наук. Феноменологическая герменевтика М. Хайдеггера и Г. Гадамера позволила говорить о герменевтике как способе философствования. Но на самом деле герменевтика, как попытка понять и истолковать что-нибудь окончательно, определенно, есть инобытие философии. То же самое, думаю, можно сказать про метафизику и диалектику. Все они имеют целью понимание: понимание мира, бытия, человека в нем, понимание Бога.

Понимание снимается в непонимание, в новое, настоящее, философское непонимание. Сократ говорил: я знаю, что ничего не знаю. Если Сократ знает хотя бы то, что он ничего не знает, то он уже не может ничего не знать. То есть уже что-то знает: то, что ничего не знает. Можно предположить, что Сократ демонстри-

ровал свое незнание потому, что другие и этого не знают, а только делают вид, что знают. То есть этой фразой Сократ как бы иронизирует над своими противниками и показывает свою скромность.

Может быть, Сократ ничего не знает, не понимает, в том смысле, что преодолел понимание, не имеет целью что-то конструировать, сводить концы с концами, рождать знание, понимать. Сократ беспомощно стоит в своем непонимании. И, говорят, мог так простоять целые сутки, не двигаясь с места. Впрочем, некоторые объясняют такую странность Сократа психическим заболеванием, подобным эпилепсии. В.В. Библихин в некоторых своих книгах пишет об «амехании», этот термин он заимствует у А.В. Ахутина, он означает беспомощность. Это такое состояние, «когда бездонно разнообразное, многоученное, способное, умелое человеческое существо ощущает себя в целом беспомощно неприменимым, взвешенным без опор» [2, с. 229]. Видимо, в таком состоянии амехании — беспомощности находился Сократ, когда невозможно включить механизм понимания и это пустое действие или бездействие только и приводит к истине.

Итак, сначала непонимание как удивление новичка-дилетанта. Затем понимание как инобытие философии у специалиста-философа. Конечная цель — философское непонимание мыслителя. Философия вернулась в непонимание: «Философия — это возвращение мудрости к началу незнания» [1, с. 667].

Возникает вопрос: каково в таком случае место философии в современной общественной жизни? Ю. Хабермас утверждал, что, перестав быть наукой наук, философия уже не может претендовать на роль местоблюстителя. Если главная особенность философии — непонимание, тогда у нее остается два пути. Первый путь — путь сивиллы, пифии, которая «бесноватыми устами несмеянное, неприкрашенное вещает и голос ее простирается на тысячу лет через бога» (Гераклит, фрагмент 75). В таком случае философия замыкается в академических кругах, остается непонятной, невостребованной обществом, а значит, и ненужной.

Второй путь — путь ребенка: «Век — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле» (Гераклит, фр. 93). Игра в текст, деконструкция характерны для постмодернизма. Но можно предположить третий путь, где философ — это тот, кто обращает внимание на то, что казалось бы всем давно уже понятным, на чем и останав-

ливаться-то не стоит. А философ говорит: «Нет, не понятно, и от того, пойдем мы это или нет, очень многое зависит. Поэтому давайте разбираться, давайте решать, а иначе никак».

Философствование большей частью связано с вопрошанием. В философии больше вопросов, чем ответов. Испытывая неудовлетворенность в жизни, человек ищет причины, задается вопросами, нередко находит решения в философских системах или выстраивает «свою философию», определяет понятия, строит картины мира, рационализирует. Например, на вопрос, что такое сущность, можно дать множество определений. Но вряд ли удовлетворит нас хотя бы собственная дефиниция понятия «сущность». Можно уйти от ответа и сказать, что сущность есть неразвитая категория, но вопрос все равно останется и будет стоять. Можно дать вопросу решаться самому, не уходить от решения, а отпустить вопрос: вопрос уже содержит в себе ответ. Когда отпустим вопрос, когда скажем себе, что не понимаем, тогда из злободневного он превратится в жизненно важный. Вопрос может и не решиться, но станет целью, «перводвигателем» в терминологии Аристотеля. В.В. Бибахин писал про статус философии: «...философия имеет дело с тем, что непонятно, в отличие от науки, не стремясь всеми силами “представить”... Философия имеет мужество не обязательно представить непредставимое: она оставляет, не представляет — не предоставляет сущее — предоставляет, в смысле оставляет сущему быть тем, что оно есть. От этого бранят философию. Но бранить надо сущее. Философия не виновата: дело не в ней, она просто смеет говорить правду, дело в тайне» [2, с. 305].

Движущей силой философии является вопрошание. Философские вопросы всегда сильнее, значительнее, глубже, острее, весомее ответов на них. Философские вопросы стоят тверже, основательнее, чем ответы. Ответы снимаются, преодолеваются другими, новыми ответами и навсегда уходят в небытие. Вопросы же могут на время отойти на второй план, но подзабытые вопросы вдруг зазвучат с новой силой, снова становятся актуальными, обретают новый смысл. Ответы, как правило, однобоки, односторонни. Вопросы поворачиваются к нам с разных сторон, всматриваясь в вопрос, открываешь все новые и новые его стороны, обороты.

Удивляться, сомневаться, спрашивать, тем более о вещах философских, не является

насушной потребностью человека. Философское вопрошание — это особый дар, данный человеку извне. Вопрошает сама философия. Философия спрашивает саму себя без ожидания услышать ответ. Философия вопрошает о Сущем. Спрашивая вместе с философией, приобщаясь к философскому вопрошанию, человек находит в себе то, что есть в нем истинно-сущее.

Философское вопрошание не требует и не ждет ответов. Философское вопрошание и есть сама философская мысль. Мы ищем ответы, потому что боимся мыслить, мы боимся утонуть в безбрежном океане философии. Боимся, потому что не умеем плавать, а чтобы плыть, нужно перестать бояться воды, перестать испытывать страх из-за того, что под ногами не чувствуешь дна. То же самое с умением философствовать. Из страха оказаться в ситуации непонимания, мы сооружаем мировоззренческие системы, строим мыслительные конструкции, схемы, парадигмы. Отгораживаемся ими как дамбами и плотинами. Но никогда не сможем окончательно обезопасить себя от стихии философского вопрошания, которое в любой момент может разрушить самые крепкие стены, обрушиться на нас всей своей мощью и затопить.

Как правило, мы не задаемся вопросами, у нас уже изначально готов окончательный ответ, а вопросы подставляются потом, задним числом в виде постановки проблемы, актуальности и новизны темы. Неудивительно, что наши построения рушатся сами собой на нас же.

Спрашивающий всегда оказывается в более выгодном положении, чем отвечающий. Но философские вопросы следует отличать от глупых, пустых вопросов, от провокационных вопросов, заданных бездумно или с тайным умыслом. Философский вопрос — это, в первую очередь, вопрос к самому себе, он мучает и вдохновляет одновременно, как Эрот у Платона. Философские вопросы величественны, полны, даже переполнены смыслом, многогранны, они меняют человека.

Традиция непонимающей, незнающей философии берет свое начало у древних греческих философов. Ее можно найти в дошедших до нас фрагментах Гераклита: «Природа любит прятаться» (фр. 8); «Тайная гармония лучше явной» (фр. 9). Принцип незнания лежит в основе иронии Сократа и античного скептицизма. Скептицизм нужно понимать не в том смысле, что все подвергается сомнению и следует отказаться

признать возможность достижения истины. Скептицизм означает, что истина как конечная инстанция (точка) философского поиска не существует. Скептицизм происходит от греческого «скептио», что значит всматриваюсь, исследую, изучаю. Непонимающую философию можно обнаружить в экстатическом мистицизме Плотина, выраженную в формуле «Отложи все», а также в апофатическом богословии, в ученом незнании Николая Кузанского. В XX в. традицию непонимающей философии, на мой взгляд, развивал М. Хайдеггер, особенно в период разработки понятия «алетейя» — истина как несокрытость, которое в большей мере означает не полную открытость, ясность, а сокрытие, утаивание.

О том, что понимание основано на непонимании, часто упоминает в своих лекционных курсах В.В. Бибихин. Для него философия может быть представлена как чтение философии, т.е. как принимающее понимание, допущение или обращение внимания. Например, читая фрагменты из поэмы Парменида «О природе», В.В. Бибихин прямо говорит, что не понимает этих слов, даже одного слова Парменида не понимает, так что пусть слушатели сами переводят. Это заявляет прекрасный переводчик, филолог и философ, у которого есть удивительная способность вслушиваться в язык (не в греческий или какой-то еще, а в язык вообще).

Философия непосредственно связана с чтением текста. Чтение текста не означает встраивания его в рамки собственной системы, собственного понимания. Бесполезно пытаться

прочитать текст объективно, беспристрастно: любая методика, техника прочтения и извлечения смысла убивает текст. Можно отступить и дать тексту говорить самому, и тогда текст обратится к нам, приглашая на диалог. Однако необходим критерий того, что именно текст открывается нам в своей подлинной жизненной стихии. Понимание текста констатирует: здесь все понятно, пора ставить точку и переходить к чему-то другому. Непонимание задерживает внимание и тем самым стимулирует творческий процесс. Каждое новое прочтение одного и того же текста одним и тем же человеком не будет никогда одинаковым. Поэтому невозможен законченный комментарий текста, так же как невозможна законченная философская система.

Хотя философия и замкнута на себя, вращается постоянно вокруг одних и тех же тем, но каждый круг сознается ею как нечто новое, неповторимое: «Всякая философия должна строиться таким образом, чтобы она оставляла место для неизвестной философии» [3, с. 23].

Список литературы

1. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.
2. Бибихин В.В. Мир. СПб.: Наука, 2007. 431 с.
3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию: доклады, статьи, философские заметки. М.: Прогресс, 1992. 416 с.
4. Поннер К.Р. Все люди — философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант — философ Просвещения. М.: КД Либроком, 2009. 101 с.

HOW I DO NOT UNDERSTAND PHILOSOPHY

Alexey A. Marchuk

*Borovichi Branch of Novgorod State University named after Yaroslav the Wise;
29, Krasnoarmeyckaya str., Borovichi, Novgorod region, 174440, Russia*

This article is an attempt to realize the appointment and specification of Philosophy. It shows that the main sign of Philosophy is astonishment, or incomprehension that distinguishes it from Science, Art and Religion. Philosophy begins with personal experience of astonishment, then it moves to understanding due to the technique of philosophical conceptions, and, finally, it, as a philosophical question, returns to more profound incomprehension. So, the essentials of philosophical question are uncovered.

Key words: philosophy; understanding; astonishment; amehaniya; philosophical question.